

Интервью с Еленой Львовной ОМЕЛЬЧЕНКО

«ПЕРЕЛОМ ПРИШЕЛСЯ НА САМЫЙ ОСТРЫЙ КРАЙ ВЗРОСЛЕНИЯ»...»

Омельченко Е. Л. – окончила факультет философский факультет МГУ, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и директор Центра молодежных исследований Высшей школы экономики, Санкт-Петербург. Основные области исследования: образ жизни, качество жизни, социальная структура, социология культуры. Интервью состоялось в 2013-2014 гг.

Рассказанное Еленой Омельченко позволяет познакомиться с непростой, наполненной драматическими событиями жизнью сильного, целеустремленного человека и социолога, стремящегося к анализу сложных современных социальных процессов. Траектория ее жизни имеет сложный, синтетический характер. В ней просматриваются элементы, характерные для самой молодой части советских/российских социологов четвертого поколения, формировавшегося в среде, еще хранившей себе отголоски послевоенного времени. Вместе с тем, ее студенческие годы пришлись на период, когда в постоттепельной и предперестроечной общественной атмосфере страны происходило становление пятой генерации отечественных социологов. Более того, ее «университетами» были МГУ и мир театральной молодежи, наиболее раскованной, аполитичной, отчасти богемной.

Сейчас, когда количество проведенных мною интервью с советскими/российскими социологами приближается к 60, все отчетливее просматривается – пусть как одна из тенденций – биографичность творчества социологов. Похоже, что многое в предметной направленности и концептуальном каркасе их исследований детерминировано обстоятельствами их ранней социализации и спецификой среды, в которой проходило взросление и профессиональное становление ученого. Содержание интервью с Еленой Омельченко подтверждает высказанное предположение.

Е. Л. Омельченко: «Перелом пришелся на самый острый край взросления»

Лена, давайте начнем нашу беседу с цитирования фрагмента электронного письма В.А.Ядова, полученного мною 24 октября 2013 года: «...А меж тем есть выдающиеся коллеги, у которых ты не взял интервью. По свежей памяти с украинского Конгресса: там была Елена Омельченко. Посмотри Википедию. В.». Что это был за Конгресс и с чем Вы там выступали?

Мы встретились с Владимиром Александровичем на 2 Конгрессе Украинской социологической ассоциации, который проходил в Харькове 18-19 октября 2013 года. В очередной раз была поражена ясностью ума, жизнелюбием и оптимизмом этого удивительного человека и ученого. Не знаю, насколько заслуженно, но считаю его своим учителем и при всяком удобном случае говорю об этом, в частности – своим ученикам. Могу об этом говорить много и долго...

Мой доклад был о новых формах социальности российской молодежи – как в теоретическом, так и эмпирически наблюдаемом фокусах. А также о том, как отечественный опыт осмысления молодежной жизни (в советский и постсоветский периоды, а также в современное время) вписывается (если вписывается) в традиции европейских исследований молодежных культур конца 20 – начала 21 веков. Именно в этом направлении наш центр развивает концепцию молодежных солидарностей (а что, Лена, слово «солидарность» теперь используется и во множественном числе? – да, можно будет потом объяснить...) как особых форм внутри и межгрупповых коммуникаций. Этот подход помогает, на наш взгляд, преодолеть бытующие упрощения в описании культурных молодежных практик, и вместе с тем – раскрыть новые типы объединений (временных, событийных, виртуальных), которые характерны для современности.

В первом абзаце Вашего ответа есть «учитель» и «ученики» и есть «говорить много и долго». Начнем... первый наш учитель – это предки, родители. Расскажите о них, насколько глубоко (далеко) Вы знаете свою семью?

Я знаю историю своей семьи не очень глубоко, к сожалению. Так получилось. О том, что знаю. Моя мама – Волчек Мариам Владимировна, познакомилась с моим папой – Волчекон Леонидом Константиновичем, в городе Омске, летом, на пляже в начале 50-х прошлого века. Они часто об этом рассказывали. История такая: папа был очень интересным и ярким мужчиной, он играл в шахматы с другом, а мама с подругой (они учились в мединституте в Новосибирске) приехали к родителям подруги на каникулы, и вот мама сама решает познакомиться... Они подошли и предложили поиграть, однако играть ни одна, ни вторая не умела... Но какое то впечатление произвести удалось. Зато плавала она профессионально, чего не скажешь про папу. В общем знакомство произошло... Потом было романтическое переживание с заплывом на маленький остров на лодке, сливнем и пережидание него потока под лодкой... Знаю историю жизни папиных родителей, они жили в Челябинске, мой дедушка был зубным техником, а бабушка – домохозяйкой. Она была одной из 13 сестер большой еврейской семьи... Встречались мы с ними нечасто, родители папы были против женитьбы на маме, там очень грустная история... Отец моей мамы – Владимир Сергеевич Бахуташили рано оставил семью, мама росла со своей мамой и бабушкой в подмосковном Камышине. Эту бабушку я никогда не видела, она умерла от туберкулеза, когда моей маме было 17 лет. Бабушка была врачом-фармацевтом, награждена Орденом Ленина, похоронена в Московском крематории... Я не успела узнать о своих предках больше... лет пять назад, когда родители еще были живы, я попросила их рассказать

мне свои семейные истории, но разговор все откладывался и откладывался... Папа был, как это называлось, номенклатурным работником, руководил большими предприятиями, за свою трудовую карьеру он построил три обувных фабрики – в городах Ульяновске, Клинцы и Краснодаре, он был совершенно удивительным и порядочным руководителем, из тех, что не смогли вписаться в меняющийся рыночный бизнес. Мама работала судмедэкспертом и патологоанатомом... У нас с братом было прекрасное детство, хорошее советское детство с пионерскими лагерями, семейными праздниками, шахматами, лыжами, общими выходами в кино и театр... Наверное, самое главное, что я смогла понять о себе и нашей семье – это чувство доверия и достоинства, а также неоспоримого права каждого на свободу выбора. Родители очень гордились мной, и пока были живы, всегда поддерживали, старались читать мои работы и понимать смысл того, чем я занимаюсь, настолько, насколько им это удавалось в силу их особого жизненного опыта.

Трудно, если вообще возможно писать о своих родителях в столь отвлеченной форме, рассказывать можно много, главное – есть о чем. Поэтому я все чаще думаю о написании отдельной книги, не биографического характера, а в жанре такого очень личного разговора о детстве, родителях и памяти...

Как вспоминаются школьные годы? Может быть и они вспоминаются Вами при изучении социальности российской молодежи?

Школьные годы были яркими и вполне советскими. За время учебы я побывала в пионерских лагерях не только местных – мы всей семьей тогда жили в Ульяновске, но также, во всесоюзных пионерлагерях – Артеке (Крым) и Орленке (Краснодарский край). Пожалуй, да, эти воспоминания во многом помогли социологическому осмыслению советского воспитания молодежи и способов формальной социализации через пионерию и комсомол. Я включалась в разные дела и мероприятия, наверное – во все, какие были в то время: сбор макулатуры и металлолома, собрания, кружки, построения и походы... Расскажу только один случай.

Меня приняли в комсомол вместе с еще пятью активистами, что называется, в первой очереди. Ярко запомнился этот день, странные вопросы на Бюро горкома комсомола про ордена ВЛКСМ, про лидеров дружеских компартий, про героев-комсомольцев. Несмотря на очевидную формальность процедуры – она казалась естественной при столь важном, государственно значимом действии. Через пару недель пришло время платить первые взносы. Я стала искать комсомольский билет, я перерыла весь свой стол, искала везде – в книгах, под диваном, замучила поиском всех домашних... Билета не было. Это был какой то ужас и почти отчаяние. Мне казалось, что произошло нечто непоправимое. Я не могла терпеть неопределенность – и... пошла в Горком Комсомола. Просидев в приемной часа три – я зашла в кабинет секретаря. По-моему, я если и не плакала, то явно была на грани истерики... Меня выслушали и вызвали на Бюро. Через неделю Бюро совершенно спокойно и не вдаваясь ни в какие детали вынесло решение – «строгий выговор с занесением в учетную карточку». Это был удар и вместе с тем – мне казалось, что я сделала честно и правильно, камень с души свалился. Пришла домой, открыла томик Пушкина, и из него на пол падает мой комсомольский билет. Я тут же побежала назад, в принципе после решения Бюро не прошло и двух часов. Забежала радостная в приемную, меня впустили на заседание, я сообщила радостную новость. Меня снова выслушали, затем кто-то взял мой билет и на моих глазах, разрезав его на четыре части, выбросил в урну... И это было ужасно. В Комсомол я больше не верила. Эта история имела длинное продолжение. Снять строгий выговор, да еще с занесением, можно было только через два года. В школе я этого не сделала. Потом я работала на ЗИЛе обрубщицей среднего литья – не поступила с первого раза в МГУ на философский, снять выговор было нельзя, так как нужно

было не меньше года стажа на одном месте. И только на третьем курсе философского я смогла это сделать, пройдя достаточно долгий путь разговоров и объяснений, потому что строгий выговор с занесением – это было равно приводу в милицию, употреблению наркотиков или не менее серьезным «отклонениям», несовместимым с обучением на «самом идеологическом факультете» МГУ им М. В. Ломоносова.

Я понял, что школу Вы закончили в Ульяновске, в каком году это было? Что определило Ваш выбор философского факультета? Активная общественная деятельность и стремление улучшить общество или желание в будущем изучать сложные философские построения?

Да, школу я окончила в Ульяновске в 1974 году (очень давно...). Трудно точно вспомнить, что определило мой выбор философского факультета. Помню, что в 8 классе я очень увлекалась физикой (скорее, ядерной физикой), нравилось мне и обществоведение. А уже в 9 классе я провела первое в жизни микро социологическое исследование (кстати, папа посоветовал, откуда он об этом узнал – к сожалению, не успела узнать). Нужно было провести какое то «общественно полезное» мероприятие – вот он мне и посоветовал. Провела я опрос среди одноклассников. О чем спрашивала? Что-то про будущие планы, ну и, конечно, о «самом важном в жизни». Тогда все об этом спрашивали. Ну и вероятно, во многом мой интерес к философии был связан с уроками истории. Помню, что особенно увлекали сюжеты Великой Французской революции, судьбы ее героев, ну и логика «Большого террора». У нас была огромная домашняя библиотека, читала я много и с увлечением, кажется, что много больше, чем сейчас. В 9 классе начала зачитываться Достоевским, так что философия вырисовалась сама собой. Правда, если честно, был и другой вариант. Сначала я поступала в ГИТИС на театроведческий факультет, экзамены тогда были в разное время: в театральный – в июле, а в МГУ – в августе, в первый год после окончания школы я не поступила ни в один из них ... Театром увлекаюсь до сих пор, правда сходить куда то получается все реже. В целом, к сожалению, культурная жизнь сворачивается прямо пропорционально увеличению обязанностей, связанных с работой. Причем большая часть этих обязанностей – бюрократического характера. Про театр и философский факультет – наверное лучше уже отдельно рассказывать.

А на следующий год Вы вы уже не думали о театроведении... что произошло?

Это очень интересный момент, так сложилось. Я поступала в ГИТИС на театроведческий сразу после 10 класса, думаю, что это было рановато во всех смыслах. Я приехала из Ульяновска, подала документы и поселилась у подруги на Стромынке – это такое нереально странное место было около м. Преображенское, исторически там располагались потешные полки Петра 1, а в то время там устроили общежитие нескольких московских Вузов. Я мало, что знала о необходимом уровне готовности к экзамену по специальности. Я приехала за три недели. Честно говоря, сложно было в то время из провинциального города что то толком понять о системе приема в театральный Вуз. И вот мне в приемной комиссии дают список необходимой литературы для поступления, по которой будет проводиться собеседование. А в нем – более 50 текстов: от пьес Древней Греции – до Брехта. Рядом с метро была юношеская библиотека. И я за 2 с небольшим недели прочла практически все. Сейчас я сложно себе представляю, как это было вообще возможно, причем еще и конспектировала. Я читала пьесы и тексты (например Станиславского «Работа актера над ролью») с 8 утра и до закрытия библиотеки, потом шла в общежитие и повторяла конспекты до 4-5 утра, и так каждый день... Я прочла практически все. Кроме одной пьесы – Афиногенова «Машенька»... А до собеседования надо было еще представить критическую статью по какому то спектаклю. А написала про «Дядюшкин сон»,

который посмотрела в театре Маяковского. Ну вот. Прихожу на собеседование. Мне – 16 лет. Передо мной – длинный стол, за которым сидят театральные мэтры, я уже не вспомню сейчас, кто именно, но абитуриенты перед дверью благоговейным шепотом мне поведали, что там – самые-самые... Было страшно. Мне сказали, что за рецензию мне поставили пять. И начался настоящий допрос. «А скажите, ваша фамилия Волчек, а вы случайно не родственница? Кстати, кого мы имеем в виду?». Это в принципе был уже ожидаемый для меня вопрос, и я достаточно бодро перечислила всех, к моему сожалению, однофамильцев. Затем – а писал ли пьесы Некрасов? Перечислите. А Немирович Данченко? И тут ... а теперь расскажите нам, о чем пьеса Афиногенова «Машенька»? Это был удар ниже пояса. Я не знала. Это и был конец. Мне сказали, что ставят мне 4, но учитывая огромный конкурс – тогда он был порядка 25 человек на место, вряд ли мне стоит мучить себя сдачей общих предметов. Последняя фраза председателя была такой: «Приходите на следующий год, заодно и проверите вашу верность и преданность театру».

Было очень и очень тяжело, я бродила по Москве и плакала... Тогда мне казалось, что случилось что-то ужасное, несправедливое и нечестное. Единственная пьеса, которую я не успела прочитать, решила мою судьбу. Я не хотела возвращаться домой, было почему то очень стыдно и горько. И тогда я и решила попробовать поступить на философский. По большому счету для меня эти две возможности были практически равноценны.

Этот год был для меня не очень удачным. Не пройдя по конкурсу на философский я, получив комсомольскую путевку, пошла устраиваться на ЗИЛ, казалось, что это может повысить мои шансы на поступление на следующий год, одновременно устроилась на вечерние подготовительные курсы в МГУ. Правда выдержала только один месяц, потому что работа была в три смены, и было очень сложно вписать в этот график какие либо вечерние занятия.

Больше я поступать в театральное не пыталась. Похоже, что экзамена на верность театру – так и не выдержала.

Может, Лена, это и к лучшему?... правда, никто не знает... Итак, в 1975 году Вы успешно сдали экзамены и стали студенткой философского факультета МГУ. По какой кафедре или по какому направлению Вы стали специализироваться? Кто из профессоров, преподавателей в наибольшей степени повлиял на Ваше профессиональное самоопределение?

Поскольку в то время еще не было отдельного факультета социологии, то я проходила специализацию по кафедре социологии, которая была частью факультета. Но собственно специализация началась только с 3 курса, а до этого я максимально включалась во все возможные «активности». Очень жалко, что я не могу сейчас вспомнить всех тех профессоров и учителей, которые сыграли решающую роль в моем профессиональном самоопределении. Но напишу, как помню. На 2 курсе у нас был предмет – политэкономия капитализма, сейчас это звучит странно, но у нас еще и политэкономия социализма преподавалась. Вела предмет Андреевская Валентина (отчества не помню, к сожалению, да и имя тоже могло быть другим, что делать?) Я пыталась найти точные данные в Интернете- безуспешно... Она была совершенно необыкновенным человеком, ее семинары были каким то удивительным путешествием в другой мир. Я мало что помню из предмета, но помню ее истории о работе в комиссии по возвращению советских детей, угнанных во время ВОВ в Германию. Она рассказывала, насколько сложной и психологически тяжелой была эта работа, поскольку розыск детей упирался в то, что многие не знали русского языка, так как оказались в лагерях в младенческом возрасте, и, как правило, были разлучены с родителями. Она блестяще владела несколькими европейскими языками, и долгое

время жила с родителями в Швейцарии, как она рассказывала, их дом был рядом с виллой Чарли Чаплина... Почему она оказалась в СССР – она не рассказывала, но очевидно, что работала в «органах», а во время войны была переводчицей. Но больше всего я ей благодарна за Тарковского. Именно она организовала на философском кино клуб, и мы ездили вместе с группой в какой то пригородный ДК, чтобы смотреть «Зеркало», а потом долго - долго говорили. Впечатление от просмотра было подобно культурному шоку, это было прозрение. Какой то новый мир, без вранья и надоевшей риторики. Можно даже сказать, что эта была спасительная соломинка, ну или такой шанс для иного восприятия и иной духовной жизни, чем то, что предлагалось на занятиях, например, по «Пролетарскому интернационализму», предмету, который практически всеми был мягко говоря, нелюбим...

Это общение стало толчком к участию в студенческом театре МГУ, пожалуй, самому важному, что со мной случилось в те годы. Руководил нашей студией Валерий Персиков, который открыл для нас Александра Вампилова (мы репетировали, например, «Утиную охоту»)... То есть моя любовь к театру нашла достойный выход... Успехи были невелики, но самым важным были ночные репетиции, разговоры, дружба, споры.

Ну и конечно я помню своего научного руководителя по дипломной работе – Подмаркова Валентина Георгиевича, одного из авторов книги «Социолог на предприятии». Мы с подругой проходили практику в НИИ демографических проблем г. Москвы, если я не путаю название, и мы занимались социальным прогнозированием районов в фокусе демографии. К сожалению, за 10 дней до защиты Валентин Георгиевич умер ... Он был, пожалуй, самым важным человеком в моем профессиональном становлении, мягким и тонким, но очень требовательным и критичным в отношении допускаемых ошибок, особенно в отношении профессиональной этики. Так что защищалась я уже без него, одна...

Окончила я философский с красным дипломом и сразу поступила в аспирантуру.

Я стараюсь «коллекционировать» воспоминания о тех, кого сам не мог проинтервьюировать. Пожалуйста, приведите один-два примера, иллюстрирующих стиль деятельности В. Г. Подмаркова.

Валентин Георгиевич был человеком невероятно влюбленным в профессию и очень занятым. Он работал на философском, по моему, не на полную ставку, виделись мы нечасто, но все встречи были по существу. Это был первый ученый в моей биографии, который занимался практической социологией, настоящими исследованиями. И он первый открыл для меня, скажем так, сферу профессиональной этики, особенно что касается грамотного и деликатного составления вопросников и собственно исследовательской коммуникации, того, как следует избегать тенденциозности и агрессии в формулировке вопросов анкеты, а также не идти на компромиссы с заказчиками. Запомнился также его стиль общения со студентами – деликатный и уважительный. А еще он был совершенно не ангажирован идеологией, что в то время было редкостью, тем более на таком «идеологическом» факультете, как наш. Сейчас я понимаю, как жалко, что я так мало могу вспомнить, но мне казалось тогда, что мы будем долго вместе работать. Собственно об этом и шла речь, поскольку он уже в процессе работы над дипломом пригласил меня работать в Институте, которым руководил... Кто же мог предположить, что так получится...

Вели ли у вас на факультете сотрудники АН СССР? Может припомните кого-либо?

Честно говоря, я не помню, мы как то тогда не вникали в наличие таких высоких регалий. Я например помню, как мы набивались в поточные аудитории, чтобы слушать Петра Яковлевича Гальперина, его лекции по ориентировочной деятельности субъекта.

Эти лекции не входили в учебный план, но все знали, что это круто, и слушали, затаив дыхание. Память отсылает скорее не к академикам, а к самым ярким преподавателям, о которых у нас ходили всякие байки и слухи. Так, например, формальную логику преподавал Старченко А.А. Он говорил с нами, как равными, вел занятия, полусидя на столе или подоконнике, курил в аудитории, получить у него на экзамене 4 – было практически нереально. Ритуальная практика- сдавать Старченко зачет 3 раза...

Начало 1980-х, какую тему для кандидатской диссертации Вы выбрали, кто был вашим руководителем?

Тема моей кандидатской диссертации сегодня звучит, пожалуй, странно, ну как впрочем большинство диссертаций того времени по социологии, которая оставалась в маргинальной академической нише: «Формирование эстетических отношений в социалистическом обществе: социологический аспект». Руководил диссертацией Козлов Дмитрий Федорович. Но в целом - это было совершенно самостоятельная работа, хотя отношения с руководителем были очень дружескими. Диссертация была скорее по социологии искусства, хотя в ней много было всего того, что «требовалось» для защиты в те годы. Пожалуй, единственным доказательством моей неполной ангажированности, стала сама защита, когда я получила два черных шара. До сих пор помню речь одного из членов Диссертационного Совета: «Вот мы здесь материалисты, а вы кто»? Я с момента защиты свою работу так и не решилась перечитать, прямо по М. Лифшицу- «Наши первые тексты, это дети-вампиры, никогда не знаешь, в какой момент придет время давать отчет (читай- кровь)». Ну, то есть в какой то мере, работа была все таки связана с искусством, хотя и очень замысловатыми путями...

Лена, Вы – студентка МГУ второй половины 1970-х., закончили – с красным дипломом, включались во все возможные «активности». Значит, человек – активный. Чем Вам вспоминается то время, дух времени?

Вопрос меня поставил в некоторый тупик, или лучше сказать – застал врасплох. Время было с одной стороны – непростое, махровый застой, царство двоемыслия, с которым мы как-то уживались, правда, не сказать, что мирно. Высиживали на комсомольских собраниях, воспринимали словесную чепуху спокойно и цинично, но не протестовали. Было какое то странное ощущение египетского времени: было – есть – и будет. Просто, если с рождения и до 23 лет живешь в одном и том же времени и практически никаких примет возможных изменений... Это, конечно, очень схематично. Потому что сознание конечно же сопротивлялось, мы же читали хорошие тексты... Кроме ПСС Маркса с Энгельсом и Ленина мы читали и другие книги, которые в перепечатанном (от руки на машинке) виде ходили по общежитию. Жила я сначала в ФДС (Дом студента на Мичуринском), как и все на первых 2-х курсах. А потом переехала в Высотку (Высотное здание на Ленинских горах). Жили мы с еще двумя подругами на 21 этаже, в башенке, вид их окна был завораживающим и вдохновляющим. Я писала стихи и песни... И вот на нашей высотной кухне проходили всенощные бдения с обсуждением работ Ницше, Шопенгауэра, Фрейда, Адорно, Маркузе. Серьезные удары по устойчиво пионерско-комсомольскому задору наносили, так называемые, безвалютные студенческие обмены. Это когда, мы ездили, например, в Прагу и жили в каком то общежитии, и деньги нам давали студенты, которые потом ехали к нам, и, соответственно, мы им в Москве отдавали эквивалент в рублях. Это было невероятно весело, интересно и очень горько. Несмотря на то, что все поездки были по странам «соцлагеря», это было знакомство с совсем другим, «западным» миром. И наши споры, дружбы и симпатии с чешскими, словацкими, венгерскими, хорватскими или сербскими сверстниками были одновременно и болезненными, и отрезвляющими. Моя чешская подруга Катарина Поганова подарила мне тогда книгу Ч. Р. Миллса, это

был другой социологический голос, другой, незнакомый академический язык. А еще — первый раз попробовала джинс с тоником, настоящий, и до сих пор этот запах возвращает к тому почти детскому чувству возможности другого мира и жизни. Рассказывать о том времени я могу очень долго. Это было время самых ярких чувств и самой сильной любви. Однажды к нам на 21 этаж забрели двое юношей, которые были совсем не похожи на моих однокурсников. Они, как выяснилось, были студентами Школы-студии МХАТ. Так в моей жизни снова появился театр, настоящий, крутой, изменивший и мою жизнь и восприятие времени. Толя Омельченко был очень хорошим актером, точнее сказать — гениальным, лучшим на курсе. Дальнейшая судьба, к сожалению, была не столь блестящей... Сразу после выпуска его пригласили в несколько театров, он выбрал службу в театре Сатиры. Так я стала Леной Омельченко. Увы, он не смог справиться с самой известной российской болезнью, а я не смогла, вероятно, помочь, хотя душевных сил, нервов и всех возможных лечений было использовано максимально. Но, наверное, больше об этом не буду... То время было удивительным и каким то чистым, может быть потому, что это была юность. Мы все понимали и жили какой то переполненной духовной жизнью, начиная просыпаться от номенклатурного сна и чувствовать себя потерянным поколением... Перелом пришелся на самый острый край взросления. Если будет уместно, я бы еще раз вернулась к этой теме.

Мне показалась очень интересной тема Вашей кандидатской. В чем же было «ядро» эстетических отношений в социалистическом обществе? Что, на Ваш взгляд, произошло с этим «ядром» за четверть века?

Насколько я помню (не перечитывала ни разу текст), смысл был в том, что ядром эстетического является бескорыстное отношение к предмету или объекту преобразования или любования. В этом отношении фиксировалось некое диалектическое противоречие, когда субъект эстетического отношения стремился слиться с объектом/предметом/субъектом взаимодействия и вместе с тем, отстраниться/отчуждиться от них, чтобы не потерять необходимую для существования эстетического — дистанцию. Это действенное отношение — это не просто некое созерцание, а сотворческое преобразование окружающего мира, очень включенное и вовлеченное присутствие, но в котором нет ожидания или расчета на поглощение или уничтожение другого. Это отношение сопровождается формированием определенных качеств самого субъекта, что реализуется посредством повседневных или эксклюзивных практик разговора с собой и миром. Бескорыстное стремление к гармонии, симметрии, некоему внеопытному (доопытному) пониманию прекрасного могло воплощаться, например, в труде (социалистический фокус), а не только в искусстве, ну и конечно в отношении к природе, окружающей среде, другим людям. Как то так...

Спасибо за ответ, понимаю, что было трудно писать... ценю, но теперь и я Вас лучше знаю, и будущие читатели... пока двинулись дальше... завершились студенческие и аспирантские годы... что дальше? Где Вы начали работать, чем заниматься? Кто из старших коллег помогал Вам войти в новый мир...

Задумалась, а правильно ли я отвечаю на вопросы, вернее так — в тех ли интонациях? Меня как то все время заворачивает то в слишком личное, то в театральное (впрочем, все и правда рядом). Защита диссертации совпала с рождением сына. Не в переносном, а в прямом смысле, я родила Митю через две недели после защиты. Мое очевидное положение никак не было замечено Советом, и, как я уже писала, защита прошла бурно и практически на грани срыва. Понятно, что следующий год я была поглощена материнскими заботами. Самая близкая подруга — Хилари Пилкин-гтон — о ней я еще обязательно расскажу, всякий раз после очередной истории говорит: «Лена, с тобой всегда что то происходит...» И это правда. Поэтому — расскажу. Забрали

меня на скорой помощи, которая доставила в дежурный родильный дом, (он и сейчас находится на Комсомольском проспекте за ТД Москва) где -то в 11 вчера 15 декабря. Но сначала коротко о том, где я в том далеком 1982 году жила.

Мы с Анатолием жили на старом Арбате, в совершенно удивительном доме, где одна из огромных коммунальных квартир была отдана под общежитие театра Сатиры. В квартире было 8 комнат, и в каждой жили актеры – одни или семьями. На одной с нами лестничной площадке была квартира Ивана Дмитриевича Папанина – контр адмирала, знаменитого исследователя Арктики, мне даже посчастливилось с ним познакомиться. Но на момент защиты и родов мы уже вынуждены были переехать опять в Высотку, в мою 8 метровую аспирантскую комнату, поскольку с театром Сатиры к тому моменту уже пришлось проститься. Ну – дальше. Пока я ждала (это конечно не то слово), когда же начнутся роды, я несколько раз слышала свою фамилию, например – «скорее, вроде Омельченко рождает», хотя по всем приметам было еще далеко, да и врача рядом не было. И вот, все случилось, роды закончились. Меня привезли в палату, «выгрузили», через некоторое время я смогла осмотреться. Палата была большая, просторная, и кроме меня – всего одна соседка (хотя, я уже заметила, что в остальных палатах лежало минимум по восемь женщин)... Разговорились. У вас кто? У меня мальчик – она, а у меня девочка. Интересно. А где живете? На Старом Арбате, я – ой, и я тоже. А номер дома? – называет мой...а квартира – называет этажом выше... А фамилия? И тут она говорит – Омельченко. И выясняется история. Что она – дочь министра, если не путаю, тяжелой промышленности, что ее молодой супруг уже служит в посольстве Франции, что они через какие то очень высокие знакомства с трудом договорились об этом роддоме, который оказывается считался самым – самым чистым и престижным.

К нам в палату практически через каждый час заходила глав врач, ей приходилось и меня осматривать... Вот такая яркая и очень, на мой взгляд, точная иллюстрация советского: в особые условия можно было попасть, будучи приобщенной к номенклатуре, и просто по ошибке. Одна и та же фамилия и адрес ввели в заблуждение медицинский персонал роддома, благодаря чему я провела одно из самых включенных социологических наблюдений... Кстати, мы так больше и не встречались с однофамильцами, потому что очень скоро пришлось покинуть Москву – самый дорогой и самый важный для меня город. Я уезжала к родителям в город Клинцы (Брянская область) с абсолютной уверенностью, что обязательно вернусь, и что Митя пойдет в школу в Москве. Во время этой ссылки я читала лекции в Обществе Знания по радио для посетителей парка отдыха, лекции были по эстетике и истории искусства. Через год мы оказались в Ульяновске. После Москвы выбирать можно было любой город на карте СССР, Толю пригласили в Ульяновский драм театр, и для меня это тоже был выход, поскольку до Москвы наша семья жила именно в Ульяновске. Вот так, через десять лет, я снова вернулась в город своего детства. Через год я поступила на работу в Ульяновский пединститут, ассистентом на кафедру философии... Самым важным и интересным в Ульяновске первых пяти лет был наш кино клуб Синема, который мы открыли в начале 90-х. Это было самое начало кино клубного движения в Союзе. Мы возили фильмы из посольств Венгрии, Франции, Германии, Польши, к нам приезжали хорошие кинокритики и актеры, мы ездили на московские кино фестивали (для кино клубников существовали квоты бесплатных билетов). Это было невероятное время. Начиналась эра лихих 90-х, которые почему-то вспоминаются чаще, как время братков, а для меня и друзей это было время свободы и открывшегося доступа к настоящему кино, книгам, выставкам. При кино клубе мы создали свой театр, делали капустники, сами писали сценарии, ездили на гастроли, даже были приглашены в ЦДРИ Москвы вместе с другими театральными студиями при кино клубах...

А потом рынок начал коммерциализировать кино клубное движение, нас вытеснили из помещения кинотеатра, потом из педуниверситета, ну и потом случился

дефолт... Мощное преобразование общества проходило прямо сквозь нашу жизнь. Может мне не хватило тогда воли, чтобы продержаться, не знаю, сейчас легко об этом рассуждать. Тогда мы все таки, пусть и совсем немного, но зарабатывали, мы были одним из первых НКО в Ульяновске, но дефолт лишил последней надежды... После этого меня пригласили в новый университет – открывался первый филиал МГУ им М.В.Ломоносова, я, понятно, не могла отказаться. Тем более, что там обещали открыть кафедру социологии. Так уже через два года я стала зав. кафедрой социологии в УлГУ (в то время – филиал МГУ).

Второе удивительно событие (после второго «попадания» в МГУ) – была встреча с Хилари Пилкингтон. У этой встречи есть своя история, постараюсь коротко... Британский Совет в Москве объявил конкурс на участие в программе ТЕМПУС – на подготовку «новой волны» молодых российских социологов. Я, кстати, уже успела организовать маленькую социологическую лабораторию, которая провела самое первое исследование – про молодежные группировки в Ульяновске, и мы даже с нашей телестудией сняли фильм «Стая»... Ну вот, английский я знала очень плохо, как впрочем не очень хорошо знаю и до сих пор (моя беда). Сконцентрировалась, и начала усиленно заниматься, надо было пройти экзамен и собеседование в Британском Совете. Поехала, ужасно волновалась. Принимали собеседование двое – женщина от БС и профессор Ворвикского Университета – Саймон Кларк. Собеседование я успешно провалила. Вернулась домой, и через месяц получила письмо от Саймона – он писал, что ему очень понравился мой проект (он был про исследование группировок), и что его знакомая – аспирантка Хилари Пилкингтон, собирается проводить исследование в России, и не хотела бы я ей помочь? Она занимается исследованиями молодежной культуры и хочет приехать в Ульяновск? Это была какая то нереальная удача и тот самый случай, который выпадает лишь раз в жизни – просто какое то чудо.

Конечно – я хочу, и, конечно, я встречу! Так началась моя настоящая социологическая карьера и самая крепкая и верная дружба. Саймон взял меня в ТЕМПУС (несмотря на мой провал), благодаря чему я не только стала работать вместе с Хилари, но и познакомилась с будущими коллегами, и, конечно же, – с Владимиром Александровичем Ядовым, который был руководителем этой программы с российской стороны. Собственно этих трех удивительных людей и друзей я и могу назвать самыми близкими и самыми важными учителями как по жизни, так и по профессии. Ну, наверное, об этом уже в следующий раз.

Какие свойства В.А. Ядова как ученого и человека произвели на Вас сильное впечатление?

Самое сильное впечатление на меня произвело с самой первой встречи удивительное качество – открытость и честность, способность этого удивительного человека и ученого выстраивать искренно равные отношения со всеми – как академиками, так и студентами. При общении с Владимиром Александровичем с самой первой минуты пропадало ощущение кафедры и некоего менторского вещания. Мне повезло работать вместе с мастером в нескольких проектах, и, конечно, самое важное – что он был моим научным консультантом на защите докторской диссертации. К 80 летию мы со коллегами выпустили книгу «Виват, Ядов!», в которую я написала эссе «Уроки вне расписания». Эссе достаточно длинное, решусь привести несколько выдержек:

«Не повезло мне, если честно. Мне не пришлось сидеть на лекциях Владимира Александровича Ядова, выступать на его семинарах, быть его студенткой или аспиранткой. И невероятно повезло потому, что важные для меня уроки жизни и профессии я все-таки «посетила». Уроки, где моим учителем был Владимир Александрович...

Урок истории. 1993 год. (XXIII World Congress of Sociology, Belefeld, Germany)

...Конечно, нам была доступна лишь вершина айсберга, но и этого было достаточно. Это всегда было удивление: «наш Ядов - Во дает!» Можно было не соглашаться, спорить, говорить (всегда внимательно слушает), но ни разу не было разочарования или неловкости. Правда. Никогда. Самое удивительное, что когда я через пять лет зашла в кабинет к Владимиру Александровичу, он помнил, кто я и как меня зовут. Еще одно историческое воспоминание из того же периода. Был какой-то научно-практический семинар. Выступала восходящая молодая звезда, недавно переехавшая в Европу. После первых 10 минут выступления Владимир Александрович вскочил, выбежал к выступавшей: «Что это ты нам тут как школярам сомнительные идейки подкидываешь и предлагаешь отвечать на сомнительные вопросы какого-то теста для пэтэушников?».

Урок демократии, 1996

Это был первый выпуск слушателей курса по «Молодежной культуре и субкультуре» в рамках серии социологических курсов в рамках Программы Европейского сообщества ТЕМПУС (Центр социологии образования в ИС РАН, 1996). ... После выступления одной из слушательниц Владимир Александрович задал довольно каверзный вопрос (по памяти): «Я не понял, так Вы что, порнографию оправдываете что ли? Поаккуратней надо с постмодернистскими штучками». Девушка покраснела, но ответила почти вразумительно. Защита продолжалась. ВА попросил у меня листочек и начал что-то быстро писать, потом попросил передать записку этой девушке. Слезы на ее лице как-то сразу просохли, все хорошо («Не обижайтесь, может быть я действительно не понял Вас. Но защита была блестящей, работайте дальше!»). Не знаю, хранит ли она записку, но наверняка помнит. Я запомнила.

Урок признания

Первый Всероссийский социологический Конгресс (СПб, 2000 год). Самое яркое впечатление: выступление (лекция) Владимира Александровича Ядова, посвященное острым проблемам российского социологического сообщества. Уже за полчаса до начала самая большая аудитория соцфака госуниверситета СПб была переполнена ... все свободные стулья и даже лавки из других аудиторий были перетасканы на выступление Владимира Александровича. В какой то момент ситуация практически вышла из-под контроля, провоцируя своего рода панику. Потребовалось вмешательство оргкомитета... Стулья выносить перестали, заняли подоконники, потеснились в походах, слушали на одном дыхании. ... Мне приходилось не раз слышать критику в адрес Владимира Александровича, мол, так нельзя, что он не всегда придерживается принятых рамок приличия и такта. Может быть. Но зато, никто не станет отрицать – насколько он искренен, как-то по-детски открыт, при этом вовсе не беззащитен. Одним словом – профессиональный романтик. И меня это всегда завораживало и завораживает, потому что знаешь, чего ждать, чувствуешь правду и жизнь.

Урок музыки

Удивительный был проект по осмыслению трансформационных процессов в современной России. Вокруг Владимира Александровича собралась сплоченная и заводная команда. Все два года вплоть до написания общей монографии были наполнены рабочими семинарами, поездками, спорами и... посиделками. Сразу хочу сказать, что посиделки в нашей социологической тусовке вещь необходимая. Говоря «в нашей» я с определенной долей наглости, очерчиваю круг всех друзей-единомышленников, где Владимир Александрович - «вместе с нами». Вспоминается одна из них. На определенной стадии разговоров, тостов и откровений, когда ощущение близости и безопасности «своего круга» дошло до момента практического родства, мы начали петь. Сначала пели, как это водится, кэ эс пэшные песни, потом плавно

перешли к городскому романсу, потом к русско-украинским напевам. А потом... Потом неожиданно, вспомнив о тематике молодежных субкультур, мы начали читать рэп. Текст рождался сам собой, там было и про засилье британского и американского академического империализма, и про наплевательское отношение к нам, таким продвинутым социологам со стороны власти, про отсутствие нормальных заказов, ну и конечно про то, какие мы тут крутые. Все в лучших и главное правильных традициях жанра «социального протеста депривированных системой работяг». Владимир Александрович подхватил рэп уже со второго куплета, все было четко – и жесты, и «Е» (две точки сверху) в конце самых крутых, срифмованных квадратов и кураж, подогреваемый чувством социальной несправедливости к «белому, зажравшемуся миру академической бюрократии». Жалко, что не было видео камеры. Уверена, что наше спонтанное произведение стало бы хитом, текст и исполнение которого стали бы дерзким вызовом многим высоколобым собраниям. «Если вы решили, что мы – те самые, кто гнется – Е, кто подпекает ради лесты, кто жметя к власти – Е! Ответ один – и вы его знаете, хотя нам повторить не в лом – Е». ...все были просто счастливы.

Урок профессиональной дружба

С момента попадания в программу ТЕМПУС меня не оставляла мечта-идея: попросить Владимира Александровича о научном руководстве по работе над докторской (консультантом, как он меня поправит потом). Мне казалось это почти нереальным: как начать разговор, как объяснить мотив такой, как мне казалось, необычной просьбы. «Да, давайте - сказал он мне – я Вас хорошо знаю, только договоримся, что это ваша ответственность. Я мало, что смыслю в молодежной культуре, надеюсь, что чему-то научусь». ...Через год, наверное, я послала текст диссертации. И была, если честно, просто шокирована, что уже через неделю получила письмо с моим текстом, в котором не было ни одной страницы без его правок, вопросов или комментариев.

С того момента мы действительно работали вместе. Когда уже завершался процесс корректировки автореферата, он сказал: «У вас тут много всякой ерунды, связанной с постмодернистскими идеями, ну и гендером, конечно. Я ничего в этом не смыслю, и со многими выводами не согласен. Но давайте оставим, пусть будет. Вас, конечно, за это помучают на защите вопросами, народ в Совете у нас разный и попусту его дразнить не стоит. Но вот это сомнительное высказывание пусть будет той маленькой собачкой, на которую все обратят внимание». При чем здесь какая-то собачка? И он рассказал историю. Честно говоря, не помню – о каком художнике была эта притча, и был ли реальный автор у этой идеи. Смысл: художник нарисовал в самом углу своего модернистско-формалистского полотна маленькую собачку. На заседании худ совета, на котором решалась участь произведения, автор долго рассказывал о глубоком философском смысле картины и ее значении для воспитания подрастающего поколения. Члены комиссии недоумевали: ну ладно, это все поиски, но в принципе мысль глубокая чувствуется, да и экспрессия исполнения трогает. Но собачка то зачем? На что художник говорил примерно следующее: собачка является неотъемлемой частью моего замысла, но если уважаемая комиссия считает ее лишней, я ее уберу, хотя это и будет большой потерей. И – закрашивал собачку.

Собачка – понятное дело, метафора, но в моем случае она сработала.

Защита длилась почти пять часов. Мне невероятно повезло. Это было какое-то феерическое действо. Мои официальные оппоненты – глубоко уважаемый и любимый мной Игорь Семенович Кон, а также близкая мне по духу Елена Ярская-Смирнова, хоть и критиковали, но как-то особенно благожелательно и по-доброму. Владимир Александрович волновался пожалуй больше, чем я, и буквально на каждый вопрос или критику членов Диссертационного Совета готов был сам броситься отвечать и защищать пусть и «насквозь постмодернистскую и с привкусом феминизма, но все же такую важную работу».

... в минуты сомнения: в выборе профессии, в смысле бесконечной академической суеты, в направленности мыслей и чувств я вспоминаю ваши уроки, которые Вы преподали мне вне всякого расписания».

Я понимаю, в Ульяновске Вы создали свой «микромир»... сколько времени Вы там прожили. Что в целом удалось сделать? Куда потом...?

В Ульяновске я прожила долго, до 2009 года, когда меня пригласили работать в НИУ ВШЭ Санкт-Петербург. Удалось сделать действительно много — к моменту моего отъезда НИЦ «Региону» было уже 15 лет, он и сейчас продолжает жить... Правда, в прошлом году началась тяжелая история, которая затронула многие НКО в России — к нам пришла прокуратура с проверкой на предмет того, являемся ли мы «иностранными агентами». Но, наверное, об этом стоит рассказать отдельно.

Безусловно, и подробно. И чем закончилось (если) дело с «иностранным агентом»?

Дело с «иностранным агентом» еще не закончено... Это очень тяжелый момент, и рассказывать о нем сложно. Мне даже кажется, что мы были одними из первых в этой кампании борьбы с «иностранными агентами» и западным влиянием... Первой ласточкой была заказная публикация на одном из новостных порталов ульяновской области (Улпресс) — «Зачем университету иностранный агент?», публикация была, как водится, сопровождается «желтым троллингом» в отношении не только собственно центра «Регион», но и людей с акцентом на частную, приватную сферу.

Понять, какие из комментариев к статье были аутентичными, а какие — заказными, целенаправленно направленными на то, чтобы обидеть, задеть и любыми способами вовлечь нас в провокационную дискуссию, было невозможно. Мы ответили на эту провокацию статьями на портале Полит.Ру (<http://polit.ru/article/2012/10/31/delation/>), приведу для иллюстрации несколько выдержек из нашего текста: «Автор пасквиля, на который даже не хочется давать ссылку, объявил, что под видом социологического центра в Ульяновске существует «иностранный агент», который за долгие годы своего существования «успел посотрудничать со многими зарубежными структурами» (далее идет перечисление передовых исследовательских центров и научных фондов в Великобритании, Германии и США). При этом «о последствиях использования результатов исследований, передаваемых «Регионом» за кордон, конечно, никто не задумывался», — вещает анонимный автор. Тот факт, что «зарубежные структуры» — вполне известные и признанные академические организации, а «передаваемые за кордон» результаты — это открытые научные данные, публикуемые в общедоступных журналах и книгах, следуя обычной мировой научной практике, — не мешает анонимному доносчику обвинить исследовательский центр чуть ли не в шпионаже.

Возможно, стоило пропустить этот параноидальный бред мимо ушей, если бы его публикация в «Живом Журнале», а потом и на новостном портале не укладывалась в тревожную тенденцию, которую важно заметить. Мы имеем дело с опасной ситуацией, когда в руки недоброжелателям дан инструмент для шельмования и травли. Как бы ни оправдывались законодатели, что термин «иностранный агент» будет применяться только к ограниченному числу организаций политической направленности, финансируемых из-за рубежа, обыватель уже взял на вооружение этот ярлык, применяя его ко всем неудобным в собственных разборках и играх. Неважно, что юридически НИЦ Регион — даже не НКО, а подразделение государственного вуза. Обозвал иностранным агентом, обвинил в связях с «западными структурами» и отправкой «сведений» «за кордон» — и вот уже запущен механизм подозрений и сомнений... Текст явно рассчитан на то, что в природе любого социального ученого, выросшего и получившего образование в СССР или в постсоветской России, продолжает жить страх, который в «нужный

момент» обязательно проявится в желании доказать свою лояльность, угодить начальству «правильными» данными и цифрами. Кроме того, подобные публикации должны вызвать не просто испуг, а тревожность столь высокого уровня, что социологи сами пойдут сдаваться и давать признательные показания. Кроме того, подобные тексты рассчитаны и на то, что смогут поднять волну «праведного гнева» среди населения, поскольку раскрытие новых врагов России помогает быть бдительными, сохранять национальную безопасность и поставить заслон от тлетворного влияния Запада...». Вот такая ситуация.

Руководство УлГУ отреагировало быстро и прогнозируемо. Нам предложили поменять юридический статус, чтобы университет перестал числиться в учредителях столь «сомнительной» организации. За прокуратурой к нам в центр пришла налоговая проверка, которая длилась практически год. Проверяли все чеки на «чай», а в прокуратуре внимательно читали научные статьи сотрудников центра, отчеты по проектам, и даже выпущенные НИЦ «Регион» книги (к 2012 году под грифом НИЦ «Регион» УлГУ было выпущено более 10 оригинальных книг, суммирующих анализ по различным исследовательским проектам). Ровно через год – прошлой осенью, на том же портале появляется еще один пасквиль от имени тех, кто, вероятно, разочарованы отсутствием «прямых мер воздействия» на «иностранных агентов»...

Все это очень тяжело и обидно. К настоящему моменту НИЦ «Регион» практически перестает существовать, мы вынуждены были перерегистрироваться в коммерческую структуру(?), выйти из структуры УлГУ, а меня просто сократили, как преподавателя университета и заведующего кафедрой рекламы... Но не все так плохо, конечно. Этот закон, совершенно безумный и неадекватный, приводящий в шок наших зарубежных партнеров, сплотил российское исследовательское сообщество. Мы поняли, как важно поддерживать друг друга, публично солидаризироваться, высказываться, мы с другими центрами и коллегами, попавшими в списки «подозрительных и опасных», писали вместе письма, тексты в СМИ, давали интервью и активно формировали альтернативное общественное мнение. Я как раз была в Харькове на социологическом конгрессе в самый разгар второй волны этой кампании, и советовалась в Владимиром Александровичем Ядовым - хотелось и дальше бороться, доказывать. Он меня успокоил и сказал, что волна возмущения вроде бы в какой-то (ущемленной) форме – но была услышана, и что этот закон будет смягчен... Хочется верить, только к сожалению, НИЦ «Региона», как в свое время и киноклуба «Синема» в Ульяновске уже не будет.

Наверное в моем ответе слишком много личного, сложно с «холодным носом» говорить о целом куске жизни, спокойно и взвешено смотреть на этот сюжет в контексте более общих изменений в жизни российского общества... Конечно, полученный опыт дорогого стоит, и Центр молодежных исследований, который мы с коллегами открыли в ВШЭ Санкт-Петербурга, вряд ли бы состоялся, если бы не было долгой и удивительной исследовательской истории «Региона», да и люди все, слава Богу – живы и мы по-прежнему вместе.

Лена, Ваша докторская диссертация была связана с исследованием молодежной культуры. Когда и как Вы пришли к этой теме? В силу каких особенностей Вашей работы она оказалась «насквозь постмодернистской и с привкусом феминизма»? Что это означает?

Тема молодежных культур и субкультур – появилась сразу вместе с началом исследовательской работы. Первая социологическая лаборатория, которую мы открыли в середине 90-х при одном из ульяновских районных отделов по работе с молодежью, с самого начала была ориентирована на это направление. Можно сказать, что это был первый социальный заказ. И я уже писала, что самым первым исследованием был проект, посвященный опросу участников молодежных группировок, бум

которых как раз пришелся на начало-середину 90-х годов. Именно в те годы начинают активно изучаться подобные подростковые, часто полукриминальные районные формирования, которые стали знаком постперестроечной России. Так, например, в Ульяновске их было более 25, они, как правило, организовывались вокруг растущих кварталов разрастающихся городов и очень скоро становились своего рода «передовыми отрядами», охраняющими свои территории, а также рынки, автозаправки, частные ларьки. Этот проект во многом и определил ключевое направление всей последующей работы. Уже после перехода в новый университет и открытия кафедры социологии, заведование которой мне и поручили, мы с коллегами организовали центр «Регион», которому уже скоро 20 лет исполнится... Потом была встреча с Хилари Пилкингтон и совместная работа над проектом, пожалуй самым серьезным образом определившим всю жизненную траекторию. Проект был посвящен исследованию восприятия российской молодежью образов Запада. Это было своего рода вызовом широким моральным паникам, развернувшимся в отечественных СМИ и, отчасти, в академическом сообществе, вокруг так называемой «американизации/вестернизации» молодежи, ну и, соответственно, «снижении их патриотических настроений и моральном разложении». По результатам проекта мы опубликовали совместную монографию «Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures», которую потом перевели на русский язык («Глядя на Запад...»).

В этой совместной работе как раз и обозначились основные векторы особого, «свежего» взгляда на понимание молодежи, ее особых культурных практик и жизненных стратегий. Пафос и особое внимание были обращены к преодолению проблематизации молодежи, как «социальной проблемы», характерных для отечественной социологии молодежи того времени и переносу акцента на анализ молодежной повседневности, особых способах проживания юношами и девушками периода взросления, включения их в социум, выстраивания жизненных траекторий, собственных, индивидуальных и групповых интерпретаций смысла жизненных выборов — образовательных, карьерных, культурных. Сложно кратко объяснить, почему, по мнению Владимира Александровича, докторская диссертация была «насквозь постмодернистской и с привкусом феминизма»...

Первое, вероятно, объясняется моей симпатией, скрыть которую было сложно, к авторам именно этих социально философских школ, проявившихся не только в выборе ключевых авторов, на которых я опиралась в выборе теоретической рамки работы. Так, например, особое место в аргументации новых форм солидаризации, групповых идентичностей молодежи конца 20 - начала 21 века, занимали социальные ученые, развивающие постсубкультурную теорию. Согласно этому подходу, молодежные культурные практики этого времени значимым образом отличаются от своих «классических» субкультурных образцов второй половины XX века, становясь некоей временной, частичной идентичностью, не требующей абсолютной верности идеологии, сформировавшейся в качестве протеста в отношении классового наследия родителей (родительской культуры), как «символическое, ритуальное сопротивление» культурному доминированию господствующей идеологии. Иначе говоря, мы в какой то степени подтверждали в своих исследованиях идею формирования фрагментарных, миксовых идентичностей, мозаичности новых культурных форм, прозрачности субкультурных границ, что было характерно для различных молодежных компаний в ситуации мощных социальных трансформаций и усложнения жизненных выборов в России.

Вводя понятия культурной стратегии и субкультурной карьеры, связанных не только с принятием того или другого субкультурного стиля, но и с местом проживания, гендером, этничностью, социальным статусом (родительским), социальными ресурсами, культурным капиталом, мы стремились представить различия внутри

молодежной среды. Это помогало преодолеть унификацию и проблематизацию, а также юсизм, биологизацию, политико-идеологическое конструирование молодежи как возрастной группы, у которой, по определению, отсутствует опыт и реальная власть. Понятно и в чем-то закономерно мое обращение к феминистской критике классических субкультурных концепций, которая помогла развить гендерную чувствительность и всегда обращать внимание на то, как по умолчанию молодежь может пониматься исключительно как юноши. Девочки, девушки, молодые женщины до сих пор не только в государственных документах по молодежной политике, но и в академических текстах могут оставаться «невидимыми» и «незначимыми»... Эти подмены понятий могут вовсе не осознаваться как читающими, так и пишущими. Не удивительно, что настаивание на такой очевидной ошибке может вызывать не только недоумение, но и агрессию. В ходе реализации наших проектов, текстах, которые пишем, в преподавании курсов по сравнительным молодежным исследованиям, особое внимание уделяется классовым (стратовым), гендерным и этническим различиям, которые во многом определяют особенности тех или других молодежных практик, активностей, жизненных стратегий и культурных выборов. Эти различия внутренне связаны друг с другом, а их комбинации невероятно значимы для понимания того, что сегодня происходит как на глобальных, так и российских молодежных культурных сценах.

Вы и сейчас изучаете молодежную культуру или нашли новую тему?

Сегодня в фокусе моего исследовательского интереса — молодежные солидарности, как особая форма социальности и особая форма групповой культуры и практики. Это понятие мне представляется более адекватным в применении к тем процессам, которые происходят в молодежной среде. Солидарности могут быть как прямыми, так и опосредованными, реальными и виртуальными, временными (событийными, например, протестными или вокруг какого-то значимого события) или более постоянными, как, например, Интернет форумы молодых матерей или движение «Мусора.нет». Среди значимых примет этих форм молодежных группирований — то, что они могут консолидироваться не только вокруг субкультурных ядер, но и разделяемых ценностей группы, неких значимых на данный момент социальных смыслов. Именно поэтому солидарности могут на более или менее длительное время включать в себя помимо субкультурных групп и мейнстримную молодежь. Не менее важным для формирования солидарностей становится не столько принятие и разделенность общих норма и ценностей, но и консолидированное отрицание тех, чьи ценности воспринимаются как чуждые и неприемлемые. Понятно, что подобная форма современной социальности характерна не только для молодежи. Но «в молодежном формате» солидарности оказываются более публичными и видимыми, чему способствуют бурно развивающиеся социальные сети Интернета, растущая популярность видео и фото самопрезентаций, профессионализация досуга, развитие неформальной экономики и практик DIY (do it yourself), глобальные ссылки, множественность дискурсивной власти, рост привлекательности волонтерства. В определенной степени можно предположить, что формирование солидарностей — это знак увеличения доли молодежи среднего класса, и роста их влияния на настроения и активности современной молодежи в целом. Исследовательские проекты ЦМИ НИУ ВШЭ вот уже четвертый год направлены на своего рода картографирование актуальных молодежных солидарностей, что помогает выявить основные линии ценностных напряжений, вокруг которых и происходит конфронтация молодежи. Так, например, к основным векторам этого (не только символического) противостояния можно отнести: про и антимигранские, про — и антикапиталистические, про — и антипотребительские отношения. Особую роль играет также и интерпретации «правильного» гендерного

порядка: за патриархат — или за гендерное равенство. В последнее время активное формирование солидарностей происходит также вокруг отношения к религии (православию или исламу), прежде всего — к роли РПЦ в контексте светской жизни, что особенно ярко проявилось вокруг феномена Пусси Райт.

Каков Ваш круг обязанностей в «Вышке»?

Мой круг обязанностей в «Вышке» формально обозначен двумя позициями — заведующая кафедрой социологии и директор Центра молодежных исследований. На самом деле обязанности не вписываются в эти функции. Вышка — это, пожалуй, один из самых быстро растущих и интернационализирующихся российских университетов, что означает невероятно высокий темп жизни, сверхплановую загрузку и множество обязательств. Как говорила Алиса из страны чудес, здесь, чтобы хотя бы оставаться на месте, надо бежать в два раза быстрее... Поэтому жизнь состоит из занятий с бакалаврами и магистрантами, семинаров и мастер классов, исследовательских проектов, которых, как правило, пять или шесть параллельно, командировок в Ульяновск, а также поездок на конференции в разные города и страны (не реже 2-3 в месяц).

Каково сегодня значение исследований советских социологов, например, В. Т. Лисовского, С. Н. Иконниковой, Ю. Р. Вишневого в области молодежной культуры, жизненных планов молодежи? Можно сказать, что они дали вам портрет родителей вашей сегодняшней молодежи, когда они (родители) сами были молодыми?

Работы этих авторов, конечно же, хорошо известны, и в какой то мере конечно отражают ретроспективные портреты молодых родителей, или даже скорее — дедушек и бабушек нынешних молодых поколений. Но насколько в их работах выражены они сами — сказать сложно, все таки академический язык был другим, в нем много было от публичного и политического языка той эпохи и, если честно, меньше о повседневности, о том, как проживалась молодость в то время, каков был язык компаний, с какими проблемами встречались юноши и девушки, о чем спорили, чему следовали не в официальной повестке дня, а своих индивидуальных и групповых выборах.

Не могу не среагировать на вашу «подставку». Лена, в чем, на Ваш взгляд, суть феномена Пусси Райт? Какова цель деятельности этой группы? И каковы следствия для развития определенного круга молодежных солидарностей, каких-то слоев молодежной культуры после всего произошедшего с участницами группы?

За два с лишним года, прошедших после выступления Пусси Райт в Храме Христа Спасителя в Москве несколько раз менялась общая атмосфера вокруг их поступка. Самым «горячим» было время вокруг суда, именно тогда шли самые горячие споры не только в официальных СМИ, но и в Интернете, проходили многочисленные акции протеста во всех крупных городах России, Пусси Райт до сих пор остаются популярным имиджем и во всем мире, неким символом гражданского протеста и женской силы. Думаю, что столь мощный резонанс связан с тем, что своим активистским, художественно окрашенным жестом они вскрыли самые больные и самые актуальные проблемы российского общества. Конечно и до них говорили о клерикализации светской жизни, об агрессивно продвигаемой в политических дискурсах требований возврата к консервативно традиционным семейным ценностям, о сращении Церкви и Государства, о свертывании гражданского сектора и сокращении пространства свободы проявления независимого мнения... Наверное, все это звучит уже несколько абстрактно и отвлеченно, но вокруг их выступления споры были невероятно горячими, напряженными, жесткими до публичной конфронтации и предания друг друга анафеме... Язык спора был полон ненависти и горечи. Многие публичные фигуры не прошли тогда тест на толерантность, обнаружив свой, спрятанный до этого момента,

сексизм, шовинизм, гомофобию, женаненавистничество... Сверх жестокий приговор, который получили Мария Алехина и Надежда Толоконникова даже и их ярых противников привела в недоумение, приговор был очевидно несправедливым, плохо соотносимым с самим фактом. Он спровоцировал новую волну протеста, связанного уже с правовой системой — ее несостоятельностью, слабостью и трусостью, с полной зависимостью от политического давления, личных амбиций, обид и прямых решений первых лиц государства.

Сроки отсидки девушек в колониях, их выступления против системы обращения с женщинами в российских колониях, бесправностью осужденных, невыносимыми условиями содержания, подавлением любых форм протеста, стали новым мощным стимулом к общественному обсуждению пенитенциарной системы в современной России, ее очевидной зависимостью и связью с системой ГУЛАГа, особыми методами и техниками подавления и унижения человеческого (женского в особенности) достоинства. После их освобождения по «амнистии» они стали активно заниматься гражданской защитой осужденных. Кстати, у нас тоже был и продолжается проект, посвященный исследованию молодых женщин, освободившихся из мест заключения, тому, как происходила их адаптации к нормальной, свободной жизни, и что значит в рамках биографических проектов опыт заключения, что происходит с женской субъективностью, насколько они оказываются способными к включению, и насколько готово принять их общество.

По результатам проекта мы опубликовали книгу: «До и после тюрьмы: женские истории», сейчас мы продолжаем это исследование, и обращаемся уже к опыту женщин — родственниц и подруг осужденных (жены, сестры, невесты, «заочницы»), тому, как меняется их собственная жизнь, к тому, что это значит для них, какие экономические и социальные сети возникают, как поддерживаются отношения. т.д. Поэтому мы в своем исследовании сами столкнулись с тяжелыми историями унижения и жестокости тюремной системы в отношении женщин, и все, о чем писали и о чем сейчас говорят Маша и Надя, я оцениваю, как реальную правду. То, что происходит сейчас — мне сложно анализировать, многие из тех, что активно их поддерживали, начали разочаровываться в них по причине слишком «активного пиара»... Я не знаю... Уверенна, что феномен Пусси Райт и сами девушками останутся символами особой российской эпохи, с каким знаком — сказать сложно.

Пожалуйста, «расшифруйте» события киевского Майдана с позиции молодежных движений, солидарностей... это движение — отражение прежде всего политических процессов в Украине или подобное возможно в России?

Насчет событий в Украине — я к сожалению недостаточно вовлечена, для понимания смысла и направленности, мне не хватает информации. Действительно, молодежь активно включена (причем по разные стороны баррикад) в то, что происходит на Майдане, но где и кого используют, а кто реально движим внутренними потребностями и мотивами — сказать сложно. Известно, что официальная (российская) информационная политика делает все возможное, чтобы сформировать общественное мнение о преобладании среди протестующих «подготовленных бойцов», основные сюжеты посвящены националистически настроенным группам и экстремистам.

Идея молодежных солидарностей вполне подходит для анализа происходящего сегодня в Украине: по обе стороны баррикад собираются люди, которых объединяет на какое то время (насколько это может быть продолжительно — трудно сказать) общая идея и разделяемые ценности, значимые в данный момент и в данном месте для четкого отнесения кого-то — к своим, а кого-то — к чужим и даже врагам. В данном случае эти ценности определялись в отношении Запада, Европы, европейского образа жизни, независимости, отчасти — русофобии с одной стороны, с другой — вокруг

отказа от присоединения к Евросоюзу, советскими настроениями, консерватизму, ориентации на закрытость... Эти ценности во многом условны, за ними стоит что то более глубокое и тонкое, и конечно не все участники включены сознательно и добровольно... Солидарности такого типа появляются, когда в обществе обостряется моральный разрыв, когда отсутствует разделяемый большинством консенсус в отношении ключевых ценностей и смысла жизни, когда общественные отношения оказываются крайне напряженными. Насчет России – нечто похожее начиналось вокруг ситуации с выборами в Государственную Думу и затем – президента России... Насчет будущего – я лучше воздержусь от прогнозов, дело неблагоприятное. Наши исследования показывают, что определенное напряжение нарастает, и все может определиться каким то очередным, резким и жестким политическим решением... В последнее время законодательство российских политиков явно ориентировано на крайние меры контроля, регулирования и управления общественной, и прежде всего, молодежной моралью, что, на мой взгляд, сможет в определенный момент спровоцировать противостояние различных групп, причем не только в он, но и офф лайн.

Заканчиваю... Ваш сын пошел по социологическому пути? Театральному? Киношному? Или работает совсем в иной сфере?

Мой сын не пошел прямо по социологическому пути, однако то, чем он сейчас занимает самым прямым образом связано с социологией. Он снимает исследовательское кино, последний проект: «Что значит быть молодым в современной Европе» снят в рамках европейского проекта, в котором мы сейчас участвуем. Проект посвящен исторической памяти молодежи. К настоящему моменту готово уже три серии – об анархистах Санкт-Петербурга, об участниках движения «Наши» и об инициативе молодых активистов из Лиссабона, протестующих против безработицы высоко образованной, профессионально ориентированной молодежи. Скоро будет готов еще один фильм о националистической организации молодежи Бирмингема (Великобритания) ... К сожалению, пока не удастся найти какого то институционализированного пути для оформления такого направления исследований, хотя это очень перспективно – говорить с молодежью о разных молодых языком кино.